

М. В. Строганов

«МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ
СЧАСТЛИВЕЕ ДЛЯ МЕНЯ
ВОСПОМИНАНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ...»
(И НЕ ТОЛЬКО ПУШКИН)

Современную филологию охватила тотальная текстуализация пространства — видение каждого пространства как текста. После петербургского и московского появились уже пермский, свердловский, другие локальные тексты¹. Эту тотальную текстуализацию пространства можно, конечно, объяснить как дань моде — но ведь и в моде выражается дух и давление времени².

Понятие *крымский текст* ввел в научный оборот А. П. Люсьи³. Но ответа на вопрос о специфике этого пространства как локального он не дал.

В основе поэтики локальных текстов лежит превращение художественного образа в реальность — метаморфоза, в результате которой происходит мифологизация пространства⁴. В нашем конкретном случае

---

¹ Из последних работ см.: *Милюкова Е. В.* Культурное самоопределение провинции в самодельной литературе Южного Урала светского периода: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2006; *Клочкова Ю. В.* Образ Екатеринбург/Свердловска в русской литературе (XVIII — середина XX в.): Автореф. дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2006.

² Тотальную текстуализацию пространства следует рассматривать как одно из проявлений того процесса, который назван филологизацией гуманитарного знания в целом. См.: *Ямпольский М.* Филологизация: (Проект радикальной филологии) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75 (5). С. 10–23.

³ *Люсьи А. П.* Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003. С. 261 (Серия «Крымский текст») (см. нашу рецензию: Новое литературное обозрение. 2003. № 64 (6). С. 380–382). Этой книге предшествовали две другие того же автора: «Первый поэт Тавриды» (Симферополь, 1991) и «Пушкин. Таврида. Киммерия» (М., 2000).

⁴ О мифологической природе локальных текстов см.: *Строганов М. В.* 1) Две заметки о локальных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее

Крым — это, во-первых, сад, а во-вторых, курорт. В культуре XIX в. и наследующей ей традиции это в первую очередь экзотический сад, часто даже — райский сад⁵. В культуре XX в. — это по преимуществу курорт. Прежние приезжие днем путешествовали по Крыму, нынешние валяются на пляже. Прежние приезжие по ночам писали записки, нынешние занимаются менее интеллектуальным, зато всем (в той или иной степени) доступным делом. Волошин утверждал, что русские художники, как правило, воспринимали Крым с точки зрения туристов⁶. А. П. Люсьи́й, который процитировал эти слова, не обратил на них должного внимания. Между тем, не будучи вполне точными («курорт» не обязательно предполагает «туризм»), они открывают перед исследователями крымского текста огромные эвристические возможности, которые мы и постараемся учесть в своих построениях.

Решающую роль в формировании крымского текста с его концептами «сад», «курорт» и «туризм» сыграли не С. С. Бобров, хотя его «Тавриду» читали все, и не многочисленные путешественники (от П. С. Палласа до И. М. Муравьева-Апостола), оставившие подчас весьма содержательные и интересные записки. Хотя Бобров использовал в своей поэме мифы, а Муравьев-Апостол разоблачал их, все эти авторы не были столь популярны, чтобы их мнения были признаны бесспорными. Пускай А. Ф. Воейков нашел точную и чудную формулу:

Таврида есть прекрасный сад,
Великолепный и обширный⁷, —

локальные тексты. М., 2004. С. 483–496; 2) Об одной пародии на локальный текст. Опыт генерализации понятий // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции. XIX Фетовские чтения. Курск, 2005. С. 7–23.

⁵ О том, что Крым — это райский сад, начали говорить сразу же после присоединения полуострова к России; см: *Зорин А. Л.* 1) Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31 (3). С. 135–139; 2) Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 114–117.

⁶ См.: *Волошин М. А.* Коктебельские берега. Симферополь, 1990. С. 217. О неинтеллектуальности и повышенном эротизме как характерных чертах курортного текста см.: *Сорочан А. Ю.* «Курортный текст» литературной провинции, или Странствия провинциального эротомана // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции. Тверь, 2001.

⁷ *Воейков А. Ф.* Послание к друзьям и жене // «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. М., 1994. Т. 2. С. 325.

но и он не пользовался необходимым авторитетом, чтобы радикально влиять на массовое сознание.

Такой авторитет имел молодой поэт Александр Пушкин, опубликовавший в 1824 г. поэму «Бахчисарайский фонтан», в которой он и создал первый крымский миф, так сказать, национального масштаба. Я обращаюсь к стихам пушкинских современников, в которых упоминаются Пушкин и крымские реалии, что позволит яснее представить эту пушкинскую роль. С 1824 (публикация поэмы) по 1837 г., то есть за 14 лет, было написано тридцать одно такое стихотворение: семнадцать — до февраля 1837 г., до смерти Пушкина (13 лет), и четырнадцать — за один 1837 год. Если же учесть, что к первой группе относятся четыре стихотворения А. Мицкевича, вошедшие в цикл «Крымских сонетов», то фактическое число обращений к пушкинскому Крыму при жизни и в год смерти поэта оказывается равным.

Как только поэма была опубликована, В. К. Тило напечатал в «Благонамеренном» большое стихотворение «Отъезжающей девице, при посылке ей „Бахчисарайского фонтана“», где о самой поэме и ее авторе сказано лишь в двух стихах:

Вот вам, Эмилия, *Фонтан* Бахчисарайский,
Парнаса русского цветок прелестный, райский⁸.

Собственно крымского мифа здесь еще нет, но оценка поэмы Пушкина сразу показывает авторитетность этого текста, а образный строй этой оценки (*цветок, райский*) продуцирует дальнейшее развитие мифа.

Все остальные стихи дают следующую картину. Е. П. Зайцевский в стихотворении «Черное море» (1826), которое является тематическим откликом на пушкинское послание «К морю», сравнивает море с удовлетворением самых естественных человеческих потребностей — свободы, любви, голода, жажды:

Как узнику в окно темницы
Дыханье ветра, луч денницы;
Как в дальней стороне чужой
Речей приветных звук родной;

⁸ *Калаш В. В.* Puschkiniana. Киев, 1902. Вып. 1. С. 53 (впервые: Благонамеренный. 1824. Ч. 27, № 14. С. 143–144).

Как в час вечерний милой девы
 Любви веселые напевы;
 Как лира Пушкина, как тень
 Прохладной рощи в знойный день;
 Как глас торжественной свободы
 Над угнетенною страной —
 Отрадны мне твой шум ночной,
 Твои лазуревые воды,
 И тишина, и непогоды
 Твоей стихии вековой!⁹

«Ли́ра Пушкíна» входит в этот ряд на полных правах, как такое же природное явление, что и «тень / Прохладной рощи в знойный день», что и «глас торжественной свободы / Над угнетенною страной». Зайцевский — поэт-моряк, он служил на Черном море, и он любил море, как и положено моряку, любил — как жизнь. Все это, впрочем, не касается пока нашей темы. Однако далее следует такое описание Крыма:

Люблю у тихих вод Тавриды
 Приюты скал и тень лесов
 <...>
 Люблю твой нежный свет, луна,
 Когда для неги сладострастной
 На кров гарема безопасный
 Сойдут и ночь, и тишина.
 Когда Морфей, смыкая вежды,
 Хранит младых пловцов покой,
 Заснувших тихим сном надежды
 У края бездны роковой...¹⁰

Исходя из того, что Зайцевский был моряком, представить его в роли туриста, наслаждающегося красотами природы и курортными удовольствиями, просто невозможно. Однако он строит свое описание Крыма на вовсе необязательном для моряка упоминании «при-

⁹ Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1. Л., 1973. С. 518 (впервые: Невский альманах на 1827 год. СПб., 1826. С. 76—79).

¹⁰ Там же. С. 518—519.

ютов скал и тени лесов» и на тем более необязательном упоминании какого-то гарема. Хотя Бахчисарай весьма удален от морских берегов, моряк Зайцевский мог, конечно, посетить его. Но увидел он его не своими собственными глазами, а через призму поэмы Пушкина: «кров гарема безопасный» — это не результат экскурсии, а плод чтения стихов Пушкина.

Итак, быть в Крыму и видеть Бахчисарай вовсе не обязательно для того, чтобы описывать их. Слепой поэт И. И. Козлов написал обращенные к «кривому» Н. И. Гнедичу «Стансы к Николаю Ивановичу Гнедичу. (На Кавказ и Крым)» (1825). Тут жизнь сама спровоцировала невольный каламбур, напоминающий Пушкина, который, как известно, написал эпиграмму «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...» Итак, в «Стансах...» Козлов писал:

Иль, друг, уже теперь в объятых тихой лени
 Вечернею зарей ты смотришь на Салгир,
 На сладострастные Таврические сени,
 На радужный эфир.

Там северный певец в садах Бахчисарая
 Задумчиво бродил, мечтами окружён;
 Там в сумраке пред ним мелькнула тень младая:
 И струн раздался звон.

Ты слышал, как фонтан шумит во тме полночной,
 Как пламенно поет над розой соловей!
 Но сладостный фонтан и соловей восточный
 Не слаще, не звучней¹¹.

¹¹ Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 85; паг. 2-я. Трудно сказать, как соотносится это стихотворение Козлова с пушкинским стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» («Фонтан любви, фонтан живой...»), в котором впервые (вопреки исторической истине) фонтан был наделен звучанием: «немолчный говор», «серебряная пыль», которая «кропит росой холодной» — все это никак не может относиться к реальному фонтану слез. Тем более не имеют реальных оснований слова «Ах, лейся, лейся, ключ отрадный! / Журчи, журчи свою мне быть» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1948. Т. 2. С. 343; далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы). Стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» было напечатано в сборнике «Стихотворения Алек-

Здесь на пространстве трех строф упомянуты Салгир и Бахчисарай, хотя, как известно, Салгир, самая большая в Крыму река, протекает не через Бахчисарай, а через Симферополь. П. И. Сумароков в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» (1800) рассказывает о Симферополе: «Речка Салгир, как чистый большой родник, течет по камням подле города во всю его длину, где по другую сторону соединение плодовых садов, подобно густому лесу, украшает весь тот берег и делает тут местоположение весьма приятным»¹². Современники и предшественники Пушкина постоянно вспоминают Салгир при всяком обращении к Крыму. О нем чаще, чем о других крымских реках, говорит в поэме «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонесе» С. С. Бобров. Южный житель В. И. Туманский свою «Элегию» (1823) начал так:

Как звонкое журчание Салгира,
 Как шепот миртов на горах,
 Как шум ладьи, бегущей на водах,
 Приятен мне твой голос, лира!¹³

Бахчисарай же стоит на маленькой и грязной речке Чурюк-су (буквально: 'гнилая вода'). П. И. Сумароков, описывая Бахчисарай, упоминал «огромное здание», которое «стоит при конце базара, посреди города на берегу Гнилой речки»¹⁴. У Муравьева-Апостола дана несколько иная огласовка названия речки: Сурук-су (IV, 172). Но Козлов ни про речку Сурук-су, ни про речку Чурюк-су не знает, Козлов следует за литературными источниками. Дело в том, что в «Бахчисарайском фонтане» Пушкин, в соответствии с той же традицией, упоминал Салгир:

Поклонник Муз, поклонник мира,
 Забыв и славу и любовь,
 О, скоро вас увижу вновь,
 Брега веселье Салгира!

(IV, 171)

сандра Пушкина» (СПб., 1826. С. 57–58), вышедшем в свет 30 декабря 1825 г., за три месяца до упомянутого альманаха.

¹² Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 309.

¹³ Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. С. 271.

¹⁴ Сумароков П. И. Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году // Ландшафт моих воображений. С. 344.

Пушкин, видимо, искренне считал, что Салгир протекает в Бахчисарае, потому что, еще живя в Одессе, в первой главе «Евгения Онегина» называл героиню своего «Бахчисарайского фонтана» «пленницами берегов Салгира» (VI, 29). То, что Пушкин перепутал Чурюк-су и Салгир, весьма обычно для практики туриста-путешественника, который за короткий срок посещает много разных мест и должен многое удержать в своей памяти. Если при этом он не ведет специальных мнемонических записей, то память непременно подведет его.

Пушкин реализовал в Крыму оба типа крымского поведения (не даром он «наше все»). Сначала он пожил курортником в Гурзуфе с 19 августа по 5 сентября, купаясь в море, наслаждаясь виноградом и солнцем; недаром именно с Гурзуфом связана вполне курортная легенда о том, как он подсматривал за купающимися барышнями Раевскими¹⁵. Потом вместе с Н. Н. Раевским-старшим и Н. Н. Раевским-младшим Пушкин проехался настоящим туристом по Южному берегу и посетил в числе прочих мест Бахчисарай, где состоялась третья ночевка с 7 на 8 сентября (предыдущие ночевки прошли в Алушке на татарском дворе и в Георгиевском монастыре). 8-го же туристы прибыли в Симферополь¹⁶. Значит, все путешествие от Гурзуфа до Бахчисарая заняло три дня, довольно тяжелых и напряженных, если учесть практическое отсутствие дорог в тогдашнем Крыму. И в том, что Салгир, увиденный Пушкиным на самом заключительном этапе экскурсии, затмил все остальные реки Крыма, нет ничего удивительного: никаких других «водных ресурсов» в центральном Крыму нет.

Итак, мы видели, что не только никогда не бывавшие в Крыму люди, но и люди, хорошо знавшие Крым, — даже они в описании его опирались не на свои собственные впечатления, а на чужое авторитетное мнение, в данном случае — на мнение Пушкина. Настоящим туристом был А. Мицкевич, который, путешествуя по Крыму, знакомился с его природой и народами. Все его странствие отразилось в извест-

---

¹⁵ Разоблачению этой легенды посвящена статья: *Строганов М. В.* Стихотворение «Буря»: Проблема комментария // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 291–300.

¹⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 200–201.

ном цикле сонетов. При этом из восемнадцати «Крымских сонетов» (1826) четыре связаны с Бахчисараем: «Бахчисарай», «Бахчисарай ночью», «Гробница Потоцкой», «Могилы гарема». К третьему из них Мицкевич сделал этнографическое примечание: «Есть в Крыму народное предание, что памятник этот был поставлен Керим-Гиреем невольнице, которую он страстно любил. Говорят, что эта невольница была полька, из рода Потоцких. Автор прекрасно и с эрудицией написанной книги „Путешествие по Тавриде“, Муравьев-Апостол, полагает, что предание неосновательно и что могила хранит останки какой-то грузинки. Не знаем, на чем он основывает свое сомнение, ибо утверждение его, что татарам в половине XVIII столетия нелегко было бы захватить невольницу из рода Потоцких, неубедительно. Известны последние волнения казаков на Украине, когда немалое число народа было уведено и продано соседним татарам. В Польше много шляхетских семейств, носящих фамилию Потоцких, и невольница могла и не принадлежать к знаменитому роду владетелей Умани, который был менее доступен для татар и казаков. На основе народного предания о бахчисарайской могиле русский поэт Александр Пушкин с присущим ему талантом написал поэму „Бахчисарайский фонтан“»¹⁷.

Мицкевич, как видим, идет вслед за Пушкиным: он пишет о Бахчисарае четыре сонета — больше, чем о любом другом месте Крыма, и делает это, конечно, потому, что там похоронена, по преданию, польская княжна¹⁸. Но он пишет о Бахчисарае четыре сонета еще и потому, что целую поэму написал о нем Пушкин. Мицкевич, таким образом,

---

¹⁷ *Мицкевич А.* Сонеты / Изд. подгот. С. С. Ланда. Л., 1976. С. 97. Цитату из книги И. М. Муравьева-Апостола о Бахчисарае и могиле Потоцкой Пушкин хотел включить уже в первое издание поэмы, поручив сделать это П. А. Вяземскому, который, однако, вместо того написал к поэме свое послесловие. Но ко второму изданию поэмы (1827) Пушкин все-таки приложил выписку из Муравьева-Апостола. Как можно думать, тут не обошлось без влияния Мицкевича.

¹⁸ Вообще следует отметить, что реконструкция крымско-польских отношений очень интересовала Мицкевича. В частности, еще не привлекал внимание тот факт, что польский поэт посетил в Козлове (татарский Гёзлёв, современная Евпатория) общину местных караимов и даже останавливался на ночлег у их главы. Как можно полагать, крымские караимы заинтересовали Мицкевича потому, что в Вильно и Тракии жили также их большие общины. Вопрос этот требует дополнительных исследований.

мог и не бывать в Бахчисарае, как не бывал там Козлов: одних литературных впечатлений для создания сонетов было более чем достаточно. И хотя мы знаем наверное, что он бывал в Бахчисарае, порядок его сонетов говорит о том, что реальные впечатления отстают перед литературными. Бахчисарайские сонеты занимают шестое — девятое место в цикле Мицкевича, а пятнадцатым номером помещен сонет «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале». Однако город-крепость Чуфут-Кале находится в непосредственной близости от Бахчисарая. Если же верить циклу Мицкевича, между ними находится Байдарская долина и Алушта — чуть ли не весь Южный берег Крыма! Так есть ли разница между слепцом Козловым и вполне зрячим Мицкевичем? И случайно ли слепец Козлов первым перевел весь цикл «Крымских сонетов» зрячего Мицкевича стихами?

Литературно-мифологическую природу своих впечатлений Мицкевич не скрывает, хотя, в отличие от Пушкина, говорит о ней более прикровенно и в силу этого менее продуктивно. Пушкин заявил прямо и смело: «Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, по крайней мере тут посетили меня рифмы» (IV, 176). И все, в том числе и Мицкевич, пошли за Пушкиным.

Поэт И. П. Бороздна, в 1820-е гг. еще никак не связанный с Крымом и не посещавший его ни в качестве туриста-экскурсанта, ни в качестве курортника, написал стихотворение «К А. С. Пушкину» (1828), в котором перечислял основные достижения поэта:

Кавказа средь вершин надменных,
В полях Тавриды, орошенных
Салгира звучною волной,
Средь Ханских стен опустошенных
И на берегах Невы родной —
Везде ты зришь мир прекрасный,
Пленительный, разнообразный,
Куда всех манишь за собой
Звяцаньем арфы сладкогласной!
<...>
Кто думой скорбной и унылой
Порой в мечтах не посещал

Марии пышную светлицу,
Ее невинности темницу —
Или слезой не орошал
Княжны пустынную гробницу?..¹⁹

Пушкин, согласно этому стихотворению Бороздны, создает свой поэтический мир, столь привлекательный для всех читателей, и поэтому все они изучают географию не по картам и руководствам путешественников, а по поэмам Пушкина. «Марии пышную светлицу, / Ее невинности темницу» можно было посещать только «в мечтах» и только «думой»: даже в советское время посещение помещений гарема было недоступно для экскурсантов. А «орошать» слезой «княжны пустынную гробницу» можно было бы только в том случае, если бы эту могилу удалось вполне определенно вычислить среди многих других женских захоронений Бахчисарая.

Позднее Бороздна написал цикл «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма» (выпущен отдельной книжкой в 1837 г.), который по сути является описательной поэмой. Согласно жанру описательной поэмы, все в ней должно быть построено на реальных впечатлениях, отражать конкретные реалии. Но поскольку это все же поэма, а не прозаические очерки, в ней допустимы и поэтические преувеличения, например:

А Чурук-Су журчит и льет
По камням струйку быстрых вод²⁰.

Это одновременно и реальное описание, и лихой поэтизм, ибо речка названа верно, но для того, чтобы услышать, как она журчит, нужно иметь или слишком мощную фантазию, или чересчур чуткое ухо (чуть позднее Бороздна скажет не менее поэтично, но гораздо

¹⁹ Славянин. 1828. Ч. 8, № 52. С. 488.

²⁰ Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма, письма в стихах к графу В. П. Э³авадовскому>у. М., 1837. С. 133. Об этом цикле в его связи с поэмой Пушкина «Бахчисарайский фонтан» см.: Маленко А. Ю. Бахчисарай в «Поэтических очерках Украины, Одессы и Крыма» Ивана Бороздны // Пилигримы Крыма. Осень 2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Крымская Международная научно-практическая конференция. Симферополь, 2001. Т. 1. С. 179–185.

точнее: «Пред тихоструйною рекою»). И все же это пока — более или менее точное описание. Зато следующая строка

И отвечают ей фонтаны —

уже никаким реалиям не соответствует, ибо, повторим еще раз, никаких журчащих фонтанов в Бахчисарае нет. Но дальше Бороздна скажет еще более громозвучно и поэтично:

А среброводные фонтаны
И бьют и плещут и журчат,
И жажду путника поят...²¹

Все это — результат знакомства с поэмой Пушкина²², которое Бороздна, впрочем, и не скрывает, он прямо пишет, что путешествовал с поэмой Пушкина — если не в руках, то в памяти:

Повсюду я искал следов
Еще недавних вдохновений —
И предо мною Слез фонтан,
Которому на стражу дан
Поэзии могучий гений!

Далее, вспоминая Мицкевича и Пушкина, Бороздна пишет:

Так, здесь и трубадур Литвы,
И знаменитый бард Невы,
Обвороженные, бродили —
И черпали, и жадно пили
Ключ поэтический! твою
Животворящую струю,
А всемогущие Камены
Ей дали силу Ипокренны!

²¹ Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. С. 151.

²² Пушкинских следов (не всегда из «Бахчисарайского фонтана») в стихотворении Бороздны больше, чем отмечено. Так, например, стих «Воздать хвалу Творцу миров» близко напоминает стих из IV строфы восьмой главы «Евгения Онегина»: «Глубокий, вечный хор валов, / Хвалебный гимн отцу миров» (VI, 167).

И падает на сердце грусть,
 Когда Марию и Зарему
 Там вспомнишь! Пушкина поэму
 Прочтешь невольно наизусть;
 А думы радужным потоком
 Неудержимые, кипят
 И душу пылкую свежат —
 И всё кругом блестит Востоком!

Безвестный путник, целый день
 Я слушал говор водомета,
 Перед которым девы тень
 Мелькнула над челом поэта,
 Когда он в дивной угадал
 Знакомый сердцу идеал —
 И в эти светлые мгновенья,
 Для Аполлонова жреца,
 Палаты ханского дворца
 Вдруг стали храмом вдохновенья —
 И низложил с себя туман
 Неблагодарного забвенья
 Любовью созданный фонтан!
 Воздвигнут он не на забаву,
 Нет! начертание гласит:
*Ключ этот здравие дарит...*²³

К последнему стиху Бороздна делает примечание: «Такова действительно надпись на фонтане, который прославлен Пушкиным под именем *Фонтана Слез*, при входе со двора он налево»²⁴.

Итак, мы видим, что Бороздна не может отделаться от поэтического влияния Пушкина. Все его паломничество приобретает вид поэтической экскурсии. Интересны не сами по себе те или иные зри-

²³ Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. С. 153–155.

²⁴ Там же. С. 159. Ср. современный перевод надписи на фонтане: «Кто будет утолять жажду, пускай самый кран языком своим скажет хронограмму: приди и пей воду чистейшую, она приносит исцеление» («*Малиновская Л. Н.*» Фонтан слез: <Буклет>. Бахчисарай, 1991. Страницы не нумерованы).

тельные впечатления, интересно узнавание тех реалий, которые получили поэтическое описание. Вот откуда и появляется в стихах Бородны этот неперемный «томный говор водометов».

Некий аноним в стихотворении «М-ру» (1828) писал, что в поэме Пушкина отозвалось влияние Байрона:

Его и Пушкин полюбил:
 Младой певец Бахчисарая
 Ему по чувствам близок стал,
 И нас стихами услаждая,
 Певцу, как гений, подражал:
 Сераль роскошного Гирея,
 Фискал гарема, злой евнух
И девы пленницы самдруг,
Ни думать, ни желать не смея,
В уединенной тишине,
Под стражей бдительной и холодной,
На лоне скуки безотрадной —
 Нам представлялись и во сне;
 Мария, месяц вечно ясный,
 Так непорочна и прекрасна,
 Как сердцу близкий идеал:
 Певец как будто .... знал,
 Он так пленительно и ясно
 Ее портрет обрисовал...

При звуке тонкого стакана,
 Мой милый, бывший капитан,
 Воздаст хвалу твой метроман
 Певцу Кавказа и Руслана;
 Бештау был его Парнас;
 Теперь, с вершины Аю-Дага,
 Его всевидящей мечтой,
 Пред новым, грозным легионом
 Махая острой полосой,
 Везде летает за Байроном...²⁵

²⁵ Песни золотого рожка. Отысканная рукопись неизвестного сочинителя. М., 1828. С. 42–43. Тот же характер имеют стихи И. В. Росковшенко «К Тавриде» («Узрю

И этот автор, как видим, исходит не из реальных впечатлений. Его отправная точка — литературная, поэма Пушкина, которую он даже цитирует. Невозможно, не зная имени автора, определенно решить, бывал ли он в Крыму. Но слова о «вершине Аю-Дага» наводят на мысль, что автор и не представлял себе, как выглядит этот утес с покатыми склонами (хотя на самом деле на него довольно трудно взобраться).

Другие авторы — В. С. Филимонов, А. И. Готовцева, В. Л. Пушкин — упоминают в своих стихах поэму «Бахчисарайский фонтан» и не претендуют на изображение Крыма. Они просто включают эту поэму в перечень основных достижений Пушкина²⁶, а Крым их вовсе даже и не интересует.

После смерти Пушкина ситуация несколько не меняется. Стихов, в которых литературные впечатления преобладают над реальными, становится все больше и больше. Так, А. Арапетов в стихотворении «Его уж нет. (Дума)» (1837) пишет:

Скажите мне о вы, берега Салгира,
Где гений тот, кто оживил ваш край,
Кем славен стал навек Бахчисарай,
Где чудная его звучала лира?
Скажите мне, где он, где ваш поэт?..
Но что же вы? Берега и доли немы;
Мрачна, как скорбь, там бродит тень Заремы,
И слез фонтан одно журчит в ответ:
Его уж нет! его уж нет!²⁷

ли я твои, Таврида, небеса...») (Украинский альманах. Харьков, 1831. С. 55–56; то же: *Каллаш В. В. Puschkiniana*. Вып. 1. С. 114) и стихи переводчика поэмы Пушкина на польский язык А. Рогальского «До ***» (*Puszkin A. S. Fontanna w Baczyszeraju*. Przekł. z ros. Wilno, 1826; *Каллаш В. В. Puschkiniana*. Вып. 1. С. 86–87).

²⁶ Особый, но тоже не крымоведческий характер имеет эпиграмма Н. И. Надеждина «К портрету Хлопушкина», в которой каламбурно обыгрывается Бахчисарай: «Младой певец Фактыдурая!» — и на Пушкина падают отсветы «дурацкого» именованья поэмы. Тоже не крымоведческий, но уже комплиментарный характер имеют мадригалы Вал. Шемиота «К портрету княжны Ан. Д. Абамелек» («Твой образ жил давно в мечтах поэта...») и «Под портретом княжны Абамелек» («Зарема, у тебя просил я вдохновенья...»). Но автору мадригалов нравится не сама по себе поэма Пушкина, а княжна Абамелек.

²⁷ Цит. по: *Каллаш В. В. Puschkiniana*. Вып. 2. С. 107–108.

В этой строфе очень важна строчка «Кем славен стал навек Бахчисарай». Не только Бахчисарай — весь Крым «славен стал навек» Пушкиным. Точно так же Шарль де Монтандон к своему описанию Крыма, которое вышло в свет на французском языке в Одессе в 1834 г.²⁸, взял эпиграф из поэмы Пушкина²⁹, при описании Бахчисарайского дворца он вновь упомянул поэму, а кроме того — включил ее в список сочинений о Крыме. Поэма начинала трактоваться как этнографическое описание.

Точно так же, как и А. Арапетов, называют «Бахчисарайский фонтан» в ряду романтических поэм Пушкина авторы других стихотворений на его смерть³⁰. И только один Ф. Н. Глинка в стихотворении «Воспоминание о пиитической жизни Пушкина» упомянул еще одно крымское произведение Пушкина:

Наш Чайльд Гарольд, любя *Тавриду*,
В волнах зеленых из-за скал
Подстерегал нам *Нереиду*,
А рок его подстерегал!..³¹

Глинка, конечно, невинно пересказывает стихотворение Пушкина «Нереида» (1820), позволяя себе, впрочем, игру значений слова *подстерегал*, в результате чего у него получается нечто почти непристойное. Пушкин же никого не «подстерегал», и сказано совершенно иначе — достаточно целомудренно:

²⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 293. № 1186. Русский перевод книги: Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму... Симферополь, 1997.

²⁹ Б. Л. Модзалевский в своем описании книги Монтандона пропустил указание на эпиграф (продитирован: Щеголев П. Е. Неизвестное письмо Монтандона к Пушкину // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 335).

³⁰ Стихи А. Ахлопова, Ф. Н. Глинка, Н. Данилевского, Д. Кропоткина, Е. Лихачева, М. Маркова, С. Стромиллова, Н. Сулова, «Воспоминание о Пушкине» («Друзья, когда передо мной...») неизвестного автора, «Навстречу двое шли...» неизвестного автора, «На смерть А. С. Пушкина» («Вся Русь мольбы несет, печалию горя...»), опубликованное под криптонимом «К.» (см. о них: Строганов М. В. Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин, 1989. С. 87–101).

³¹ Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 422.

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
 На утренней заре я видел Нереиду.
 (II, 156)

Единственный автор, который коснулся личности Пушкина в связи с Крымом, не упомянув при этом «Бахчисарайский фонтан», был А. И. Подолинский, написавший стихотворение «Переезд через Яйлу на южном берегу Тавриды»³². Это стихотворение представляет собой разговор Проводника и Путешественника. Проводник говорит, что пятнадцать лет назад он знал в Урсufe одного русского, с которым много путешествовал по горам. Путешественник узнает в нем Пушкина, и Проводник рассказывает о поэте:

...бывало, по часам
 Он одинок стоял под Аю-Дагом,
 И я не смел приблизиться к нему:
 Сдавалось мне — лицо его горело,
 А в зеркале очей недвижных, ярких,
 И отблеск волн, и блеск небесных звезд
 Сиянием сливались мимолетным.
 Порой из уст какой-то стройный говор
 Ласкал мой слух — и долго слушал я!
 Глубоко в грудь мне падали те звуки,
 Хотя понять их смысла я не мог...³³

Подолинский с 1831 г. служил помощником начальника почтового округа Новороссийского края, поэтому по Крыму он путешествовал не как турист и в Крым он ездил не на курорт, но по делам службы. Однако и Подолинский пошел в описании Крыма не от реалий ландшафта и природы, людей и их конфликтов, а от литературного материала. Как и неизвестный автор стихотворения «М-ру», который писал, что Пушкин «с вершины Аю-Дага <...> Везде летает за Бай-

³² Впрочем, поэма Пушкина была упомянута в примечании к стихотворению: «Александр Сергеевич Пушкин жил некоторое время в Урсufe или Юрсufe, где и писал поэму свою: *Бахчисарайский Фонтан*» (Современник. 1837. Т. 7. С. 99).

³³ Там же. С. 99–100.

роном», Подолинский ставит поэта «над Аю-Дагом», заставляет его вглядываться в море и небо и говорить стихами, которые татарин-проводник понять не может, но чуждым звукам которых он внимает с благоговением. Подолинский в описании Пушкина в Крыму не обошелся без мифологического образа поэта, открытого всем стихиям.

Итак, что же показывает наш материал? Крымский текст формировался в русской культуре под мощным влиянием «мифологических преданий», конденсатором которых является литература и, разумеется, главный ее представитель — Пушкин. Не только жить в Крыму, но даже побывать в Крыму вовсе не обязательно для того, чтобы участвовать в формировании крымского текста. Для формирования локального текста большее значение имеют не зрительные впечатления, но литературные и «мифологические», причем сама литература выступает по отношению к реалиям местности всегда в роли мифологизатора.

Но можно было бы сделать и более широкие обобщения. Мы почти всегда видим в действительности не буквально все то, что предстает перед нашими глазами, но то, что уже обозначено в ней словами, что имеет свое имя. Любой факт и любая реалья приобретает смысл, если она входит в ту или иную парадигму; при этом неплохо, если эта парадигма была освящена некоей культурной традицией. Русские березки красивы не сами по себе, но потому, что за ними тянется культурный шлейф, а лучший отдых в Ялте — это наследие другого культурного мифа, восходящего, наверное, к Чехову. Мы приходим, таким образом, к старой концепции Сепира-Уорфа — но что делать? Видимо, приходится признать за этой концепцией свою правду.